

А. С. ПОСТНИКОВ
Челябинский университет

КОНФЕРЕНЦИЯ В МОНТРЕ 1936 г. И ПОЗИЦИЯ ФРАНЦИИ

22 июня – 21 июля 1936 г. в Монтре (Швейцария) состоялась международная конференция по вопросу пересмотра Лозаннской конвенции о режиме Черноморских проливов 1923 г. Однако в условиях, когда почти все европейские державы были в той или иной мере втянуты в борьбу за мир и безопасность народов, против фашистской агрессии, изолированное решение вопроса о режиме Проливов оказалось невозможно. Поэтому конференция в Монтре вышла за первоначально принятую повестку дня и коснулась более общих вопросов, связанных с борьбой за систему коллективной безопасности в Европе.

Советские историки давно обратили внимание на эту особенность конференции в Монтре, выдвигающую ее в число важнейших международных форумов середины

30-х гг.¹ Стремление проследить связь между пересмотром режима Черноморских проливов и общими вопросами безопасности в Балканском и Восточно-средиземноморском регионах характерно и для работ историков социалистических стран². Общепризнанным в марксистской историографии стал вывод о том, что конференция в Монтре подтвердила жизненность политики коллективной безопасности и одновременно нанесла серьезный удар по сторонникам курса на умиротворение агрессоров.

С противоположных позиций подходят к анализу хода и оценке результатов конференции буржуазные авторы. Если французские историки, писавшие свои работы по свежим следам, еще склонны были признавать положительный эффект, который имела для дела мира новая конвенция о режиме Черноморских проливов, принятая в Монтре³, то английские, американские, а в последнее время и западногерманские исследователи прилагают все усилия, чтобы принизить значение конференции, исказить позицию советской дипломатии и в выгодном свете представить действия британской и германской дипломатии⁴. В конечном итоге такой подход используется для обоснования тезиса о том, что политика умиротворения агрессоров, проводимая правящими кругами Запада накануне второй мировой войны, была единственно возможной в тех условиях. В последнее время, в частности, усилились попытки английских историков, используя новые документы британских архивов, оправдать политику умиротворения правительств не только Англии, но и Франции, совершенно игнорируя при этом возможность франко-советского сотрудничества на базе договора о взаимопомощи от 2 мая 1935 г.⁵

Тем большую актуальность имеет детальное и всестороннее исследование сотрудничества Франции и СССР в предвоенные годы и влияние, которое оно оказывало на борьбу миролюбивых народов против фашистской агрессии. Одним из самых ярких и убедительных доказательств огромного потенциала, заложенного во франко-советском сотрудничестве, и оказалась в середине 30-х гг. конференция в Монтре. Однако вплоть до настоящего времени позиция французской дипломатии в связи с этой конференцией была исследована только Ю. В. Борисовым⁶. Ставшие известными с тех пор дипломатические документы из советских и французских архивов⁷ дают возможность вновь обратиться к изучению этого вопроса. Анализ политики Франции в Балканском регионе в ключевой для страны период весны – лета 1936 г., когда после рейнской капитуляции и победы на выборах Народного фронта во внешней политике Франции наметилась тенденция возврата к курсу Луи Барту, позволяет одновременно опровергнуть утверждения буржуазных историков, в том числе и французских⁸, что сотрудничество с СССР не могло служить для Парижа основой подлинно независимого (в первую очередь от Англии) внешнеполитического курса. Кроме того, исследование данного вопроса позволяет лучше понять сущность франко-британских разногласий по вопросам балканской политики, возникших в период чехословацкого кризиса

Впервые опубликовано: Политика Великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. Свердловск. 1983.

1938 г. и связанных с подготовкой Салоникского соглашения⁹.

Главной задачей данной статьи является анализ позиции Франции в период подготовки и проведения конференции в Монтре с точки зрения ее связи с борьбой СССР за создание системы коллективной безопасности в Юго-Восточной Европе на базе франко-советского договора о взаимопомощи.

Вопрос о пересмотре режима Черноморских проливов встал на повестку дня европейской политики весной 1936 г., однако предпосылки для него созрели давно. Как известно, Лозаннская конвенция 1923 г. во многих отношениях ограничила законные права черноморских стран и будучи по своей сути неравноправным договором могла служить лишь промежуточным этапом в решении вопроса¹⁰.

По мере обострения международной обстановки Турция при поддержке СССР начиная с 1933 г. неоднократно ставила вопрос о пересмотре режима Проливов, но из-за оппозиции Англии и Франции эти инициативы успеха не имели¹¹. Однако причины английской и французской оппозиции были различны. Если в Париже всерьез опасались, что пересмотр Лозаннской конвенции (в частности, ремилитаризация зоны Проливов) даст толчок для пересмотра всей Версальской системы и в первую очередь статута Рейнской зоны¹², то в Лондоне более всего опасались как бы восстановление турецкого контроля над Проливами не привело к еще большему сближению Турции с СССР¹³. Весной 1936 г. информированный британский еженедельник «Great Britain and the East» с тревогой писал, что, укрепив Проливы, Турция может затем заключить союзный договор с СССР и даже предоставить ему право на поставку вооружений для зоны Проливов¹⁴. Стремление предотвратить такое развитие событий стало, наряду с желанием обеспечить свои позиции на Ближнем Востоке перед лицом роста агрессивности Германии и Италии, одним из главных мотивов, побудивших британскую дипломатию к концу 1935 г. изменить свою позицию по отношению к пересмотру режима Проливов¹⁵.

Франция также была объективно заинтересована в укреплении своих позиций на Балканах, в частности в Турции, однако несколько по иным, чем Англия, соображениям. Капитулянтская позиция, занятая тогдашним правительством А. Сарро в период рейнского кризиса¹⁶, нанесла серьезный ущерб французской системе военно-политических союзов, созданной после войны в Центральной и Юго-Восточной Европе. По признанию генерального секретаря МИД Франции А. Леже под угрозой теперь оказалась вся «система международных отношений, обеспечивавшая до сих пор некоторое равновесие и безопасность в Европе»¹⁷. Успех Гитлера на Рейне, писал 12 марта 1936 г. министру иностранных дел П. Э. Фландену представитель Франции в Совете Лиги наций Р. Массильи, приведет к глубоким изменениям в политике Югославии, Румынии и Турции, аншлюсу Австрии, изоляции и капитуляции Чехословакии. По существу, подчеркивал Р. Массильи, решается вопрос, «будет или нет Европа германской»¹⁸.

Одним из последствий оккупации Германией Рейнской зоны стало сокращение возможностей Франции по оказанию эффективной помощи своим восточным союзникам. Еще 18 января 1936 г., выступая на заседании Высшего военного совета Франции, начальник генштаба генерал Гамелен заявил, что путем ремилитаризации Рейнской зоны Германия сможет нейтрализовать французскую армию и получит возможность свободно действовать против стран Малой Антанты¹⁹.

Таким образом, после 7 марта 1936 г. перед Францией встала задача сохранения системы военно-политических союзов на востоке, без которых она не имела бы шансов даже на взаимоприемлемое соглашение с Берлином. Одновременно прочность имеющихся союзов оказывалась прямо зависимой от способности Франции оказать эффективную помощь своим союзникам, которая могла теперь реально осуществляться лишь морским путем. Это увеличило значение, которое имел для Франции режим Черноморских проливов. Кроме того, учитывая наличие договора с СССР о взаимопомощи, Франция была объективно заинтересована в обеспечении взаимодействия французского и советского флотов, что также было тесно связано с режимом Босфора и Дарданелл. Наконец, ремилитаризации Рейнской зоны и с чисто формальной точки зрения лишила Францию ее прежнего главного аргумента против пересмотра Лозаннской конвенции.

Следовательно, в обстановке, создавшейся после 7 марта 1936 г., в национальных

интересах Франции было не только поддержать новую турецкую инициативу по изменению режима Черноморских проливов, но и активно содействовать тому, чтобы новый режим Проливов способствовал укреплению престижа Лиги наций и принципов коллективной безопасности. Однако позиция, занятая по этому вопросу правительством А. Сарро, оказалась гораздо менее определенной.

Уже в конце марта 1936 г. в Париже знали о намерениях Турции. По мнению, господствующему в правительственных кругах, сообщал 30 марта из Стамбула временный поверенный в делах Франции Ж. Лескюйе, «ремилитаризация Рейнской зоны ставит на повестку дня вопрос о Проливах». В МИД Турции считают, продолжал он, что следует решить этот вопрос путем переговоров и дадут при этом ясно понять, что рассчитывают на поддержку своих инициатив в Лондоне и Москве²⁰. Пользуясь последними событиями в Европе как предлогом, вновь писал Ж. Лескюйе 5 апреля, турецкое правительство готовит почву для пересмотра режима Проливов²¹.

11 апреля 1936 г. Турция обратилась к государствам – участникам Лозаннской конвенции с официальной нотой, где предлагалось «начать переговоры с целью достигнуть в краткий срок заключения соглашений, предназначенных урегулировать режим Проливов»²².

Получив турецкую ноту, министр иностранных дел Франции П.-Э. Фланден 15 апреля отправил инструкции своим дипломатическим представителям за границей, дав указание сначала выяснить отношение других заинтересованных государств к турецкой инициативе, самим же избегать каких-либо ее оценок²³. Согласно сведениям, полученным в Париже через несколько дней, Англия, союзники Турции по Балканской Антанте (Румыния, Югославия, Греция) и Болгария не собирались чинить препятствий действиям Турции. При этом, однако, в Форин Оффисе выражали надежду, что в ходе предстоящих переговоров не будет обсуждаться вопрос об изменении статей Лозаннской конвенции относительно прохода через Проливы военных судов²⁴. Еще до официальной турецкой ноты английская пресса писала о том, что западные державы «хотят в Проливах свободы, а Мраморное и Черное моря открытыми равно и для торговых, и для военных судов»²⁵. После опубликования турецкой ноты в прессе говорилось только о ремилитаризации зоны Проливов, изменение конвенции в целом обходилось молчанием²⁶. Поскольку режим прохода военных судов, установленный Лозаннской конвенцией, в наибольшей мере задевал именно интересы СССР, то подобная позиция Англии носила явно антисоветскую направленность.

В свою очередь в ответе на предложение Турции Советский Союз, изъявив готовность принять участие в предполагаемых, переговорах, одновременно высказался за то, чтобы режим Проливов был приведен в соответствие и с интересами безопасности Турции, и с интересами «обеспечения мира и спокойствия в этой зоне»²⁷. В контексте принципиального подхода СССР к проблеме Черноморских проливов это означало пересмотр всей конвенции. Как отмечала позднее газета «Известия», советская дипломатия стремилась к тому, чтобы новая конвенция обеспечивала мир в Черном море, предоставляла СССР право свободной переброски своих военных судов через Проливы и была связана с уставом Лиги наций²⁸.

При намечившемся расхождении взглядов СССР и Англии (турецкое правительство также первоначально предполагало не менять статьи Лозаннской конвенции о режиме, прохода через Проливы военных кораблей)²⁹ многое зависело от позиции Франции. Однако в официальной ноте Кэ д'Орсэ от 23 апреля содержалось лишь согласие на ведение переговоров, вопрос об их содержании оставался открытым. П.-Э. Фланден особо подчеркнул близость французской ноты по смыслу к английской³⁰. К началу мая под влиянием СССР турецкое правительство изменило свою первоначальную точку зрения о процедуре и содержании переговоров³¹. Посол Турции в Париже С. Давас сообщил П.-Э. Фландену, что его правительство намеревается предложить провести международную конференцию, в ходе которой должна быть пересмотрена вся конвенция³².

Это заставило Кэ д'Орсэ занять более определенную позицию, суть которой была изложена П.-Э. Фланденом в письме послу в Лондоне Щ. Корбэну от 12 мая 1936 г. Как указал П.-Э. Фланден, Франция не будет возражать ни против созыва конференции, хотя бы и предпочла урегулировать вопрос по обычным дипломатическим каналам, ни против ремилитаризации зоны Проливов. Что касается вопроса о проходе через Проливы военных судов, то здесь, подчеркнул П.-Э. Фланден, имеет место совпадение французских и англий-

ских интересов, которое диктует идентичные позиции. Поэтому, закончил свое письмо министр иностранных дел, необходимо сохранить существующий режим прохода военных судов, так как полное закрытие Проливов «к ущербу для западных держав привело бы к нарушению политического равновесия в Черном море»³³. В инструкциях П.-Э. Фландена также ничего не говорилось о необходимости связать новую конвенцию с существующими договорами о взаимопомощи.

Подобная позиция французской дипломатии явно противоречила интересам СССР, который еще со времен Лозаннской конференции считал лучшим решением вопроса полное закрытие Проливов для военных судов нечерноморских стран (эта же точка зрения была вновь подтверждена наркомом иностранных дел СССР М. М. Литвиновым в его речи на открытии конференции в Монтре)³⁴, и ее нельзя расценить иначе как доказательство того, что и после рейнской капитуляции в основе внешней политики буржуазных правительств Франции лежало стремление любой ценой сохранить единство действий с Великобританией и добиться сговора с Германией за счет Советского Союза.

Однако такая политика в конечном итоге оборачивалась против интересов и самой Франции, содействуя оживлению центробежных тенденций в рамках французской системы военно-политических союзов. Итоги очередных сессий Постоянных советов Малой и Балканской Антант, проходивших в начале мая в Белграде, свидетельствовали о том, что среди Балканских стран все сильнее проявляется тенденция уклониться от всех небалканских дел, что объективно могло играть на руку лишь Берлину и Риму³⁵. Реальные очертания стала приобретать перспектива прогрессирующего распада французской союзной системы.

Ухудшение международных позиций Франции оказало заметное влияние на ход предвыборной кампании в стране. Блок левых партий, объединенных в Народный фронт, выступил в ее ходе с программой, которая ориентировала на борьбу против фашистской агрессии, организацию коллективной безопасности, расширение системы пактов о взаимной помощи³⁶. На прошедших в апреле–мае парламентских выборах Народный фронт одержал убедительную победу. Такой исход событий свидетельствовал о политическом сдвиге в стране, он отразил «готовность рабочего класса перейти в контрнаступление и защитить мир перед лицом фашистской агрессии»³⁷. Результаты выборов одновременно стали показателем краха внешней политики кабинетов П. Лавала и А. Сарро, создали предпосылки для возврата Франции к курсу Л. Барту, что могло сыграть важную роль в судьбах Европы. «Объединение сил Франции Народного фронта и социалистического Советского государства, – отмечал профессор А. З. Манфред, – существенным образом изменило бы всю расстановку, все соотношение сил в Европе, оно создало бы могущественный барьер, непреодолимый для фашистских поджигателей войны»³.

4 июня 1936 г. лидер социалистической партии (СФИО) Л. Блюм сформировал новое правительство, пост министра иностранных дел в котором занял радикал И. Дельбос. ФКП, хотя и не вошла в правительство, но обещала поддержать все его мероприятия, отвечающие программе Народного фронта³⁹.

Возврат нового кабинета к курсу Л. Барту позволил бы остановить развитие центробежных тенденций в рамках Малой и Балканской Антант, усилить позиции сторонников коллективной безопасности в странах Юго-Восточной Европы. В ходе совещания глав государств Малой Антанты в Бухаресте (6 – 8 июня) Чехословакия выдвинула проект дополнения пакта Малой Антанты соглашением, гарантирующим взаимную помощь против любого агрессора, реализация которого прямо связывалась с поддержкой Франции⁴⁰. «Позиция Лондона и Парижа, – писал 12 июня 1936 г. из Бухареста французский посланник В. д'Ормессон, – становится все в большей степени ключом всякого сопротивления политической и военной экспансии Германии и в Центральную Европу и на Балканы»⁴¹. На вскоре прошедшем совещании начальников генштабов стран Малой Антанты было решено, что эта группировка примет какие-либо обязательства против возможной гитлеровской агрессии только при гарантии военной помощи со стороны Франции⁴².

В создавшейся обстановке пересмотр Лозаннской конвенции – первый крупный вопрос международных отношений, с которым столкнулось новое французское правительство, – оказывался своего рода пробным камнем, по которому союзники Франции могли судить о верности Франции принципам коллективной безопасности.

После проведения консультаций с заинтересованными сторонами Турция в конце мая официально уведомила их о времени и месте созыва конференции для выработки новой конвенции о режиме Черноморских проливов⁴³. Как явствует из французских дипломатических документов, турецкая дипломатия еще в первой половине июня подготовила проект такой конвенции и довела его основные положения до сведения Франции и Англии⁴⁴.

В первый же день работы конференции в Монтре стало очевидным, что центральным на ней окажется вопрос о регламентации прохода через Босфор и Дарданеллы военных судов. Американский консул в Женеве сообщал 23 июня в Вашингтон: «...в Монтре не будет противодействия турецкой ремилитаризации, коммерческие аспекты не считаются проблемой, реальным будет вопрос относительно прохода военных судов... где каждое государство базируется на индивидуальных стратегических соображениях»⁴⁵.

В своем выступлении в первый день работы конференции глава французской делегации постоянный представитель Франции в Лиге наций Ж. Поль-Бонкур подчеркнул, что вопрос о режиме прохода военных кораблей касается всех участников конференции и его решение должно служить укреплению их общей безопасности⁴⁶. Это выступление перекликалось по смыслу с выступлением главы советской делегации М. М. Литвинова, который указал, что пересмотр Лозаннской конвенции надо осуществить «с соблюдением интересов всех черноморских держав, а также интересов укрепления и обеспечения мира в бассейне Черного моря, содействуя тем самым укреплению всеобщего мира»⁴⁷. Следовательно, наметилось определенное сходство точек зрения Франции и СССР по вопросу цели конференции.

Вместе с тем уже вечером 22 июня глава английской делегации лорд Стэнхоуп заявил Ж. Поль-Бонкуру, что Великобритания будет добиваться «точного равновесия между проходом военных кораблей из Средиземного моря в Черное и из Черного моря в Средиземное»⁴⁸.

Турецкий проект конвенции, обсуждение которого началось 23 июня, носил в целом компромиссный характер: предоставляя черноморским державам некоторые преимущества в проходе военных кораблей, он вместе с тем не давал им возможности свободно маневрировать своим флотом и слабо увязывал новый режим с уставом Лиги наций⁴⁹. Поэтому, в целом положительно оценив турецкий проект, советская делегация высказалась за то, чтобы новая конвенция не накладывала каких-либо ограничений на проход судов «во исполнение обязательств о помощи, вытекающих из устава Лиги наций или из соглашений, заключенных в рамках Устава», а также на проход «военных судов того государства, которому оказывается помощь», и внесла соответствующую поправку. Однако эта поправка была отрицательно встречена британской делегацией⁵⁰.

Резюмируя итоги дискуссии, посол Франции в Турции А. Понсо, входивший в состав французской делегации, сообщал 23 июня из Монтре И. Дельбосу: «Безопасность в Черном море, равновесие сил в Средиземном море – вот вопросы, которые поставлены теперь, вопросы, превышающие просто рамки безопасности Турции, в которых первоначально была затронута проблема»⁵¹.

Суть англо-советских разногласий, возникших в Монтре, крылась в полярном отношении двух стран к политике коллективной безопасности: если Советский Союз стремился использовать пересмотр конвенции для укрепления коллективной безопасности, то целью Англии было ослабить черноморские позиции СССР, уменьшить таким образом заинтересованность в дружбе с ним Турции и Франции и увеличить их зависимость от Лондона⁵². Такой оборот событий облегчил бы правящим кругам Англии проведение курса на умиротворение агрессоров и сговор с ними на антисоветской основе.

Ситуация, возникавшая на конференции, в известной мере ставила Францию в ключевое положение. Факты свидетельствуют о том, что французская делегация, представлявшая новое-правительство Народного фронта, заняла гораздо более реалистическую позицию, чем ранее кабинет А. Сарро. Уже в ходе дискуссии 23 июня Ж. Поль-Бонкур поддержал советскую поправку, заявив, что она «отвечает его желанию»⁵³. Новая конвенция, говорилось в письме А. Понсо И. Дельбосу от 24 июня, в любом случае должна гарантировать выполнение обязательств, вытекающих из устава Лиги наций, и договоров, заключенных в его рамках⁵⁴. Как отмечал позднее сам И. Дельбос, на конференции «французская делегация в основном защищала, сохранение применения пакта Лиги наций и дополнительных пактов о взаимопомощи»⁵⁵.

Такая позиция французской дипломатии в Монтре подтверждает тенденцию возврата внешней политики страны в первый месяцы существования правительства Народного фронта к курсу Л. Барту, что объяснялось как сильным давлением народных масс, так и резким ухудшением международного положения Франции после рейнской капитуляции⁵⁶. К тому же часть нового руководства склонялась к более последовательному следованию политике коллективной безопасности. В частности, еще в начале мая, сообщая из Женевы о своей беседе с Ж. Поль-Бонкуром, М. М. Литвинов писал, что тот «стоит за расширение пактов взаимной помощи... с включением всех тех европейских государств, которые пожелают в этом участвовать.... Пакты обязательно должны сопровождаться военными конвенциями с разработкой действительной военной меры взаимной помощи»⁵⁷.

Не переоценивая степени приверженности правительства Л. Блюма к политике коллективной безопасности, следует отметить, что по мере обострения дипломатической борьбы в Монтре именно по данному вопросу наметилось сближение позиций Франции и СССР.

Во время перерыва в работе конференции, связанного с заседаниями Совета Лиги наций в Женеве, советской дипломатии удалось добиться согласия английского правительства на поиск в Монтре приемлемого компромисса⁵⁸. Однако подобное развитие событий, которое «расстроило планы Титлера»⁵⁹, вызвало резкую реакцию в Берлине. Германская дипломатия, делавшая ставку на срыв конференции, ограничение прав СССР в маневрировании своим военным флотом, что в конечном итоге подорвало бы значение франко-советского пакта, оказала сильное давление на Лондон, угрожая пересмотреть свое отношение к англо-германскому морскому соглашению 1935 г., если Англия уступит СССР в Монтре⁶⁰.

В такой ситуации Англия попыталась привлечь в Монтре Италию, первоначально отказавшуюся от участия в конференции, и с ее помощью добиться уступок от СССР⁶¹, а после неудачи этого плана оказала сильнейшее давление на Турцию, добившись от нее согласия снять с обсуждения свой проект конвенции в пользу нового, разработанного в Лондоне⁶².

Этот проект, внесенный 6 июля 1936 г. после возобновления заседаний в Монтре, вводил полное равенство прохода через Проливы военных судов черноморских и нечерноморских государств, создавал последним возможность вмешиваться в дела черноморских стран под вывеской «прав воюющих сторон», а главное, в нем не упоминалась Лига наций и договоры о взаимопомощи⁶³. Даже английская пресса признавала, что этот проект «отрицает все русские, французские и турецкие пожелания» и «наводит на мысль, что правительство намеревается сражаться в какой-либо будущей войне на стороне, противоположной России»⁶⁴.

Снятие Турцией своего проекта и ее переход на сторону Англии, направленный против СССР, явились неожиданностью для Франции⁶⁵. Обсуждение нового проекта привело к острой дискуссии, грозившей завести конференцию в тупик. В этой сложной ситуации 9 июля советская делегация внесла чрезвычайно важную поправку, гласящую, что все устанавливаемые в конвенции ограничения «ни в чем не могут ограничить возможное применение мер, предусмотренных пактом Лиги по отношению к агрессору, ни помешать проходу через Проливы военных судов, которые выполняют обязательства о взаимной помощи, взятые или могущие быть взятыми на себя в будущем государствами... в силу соглашений, дополняющих пакт Лиги наций»⁶⁶. Этот момент стал кульминационным в работе конференции, когда с наибольшей силой проявилось советско-французское сотрудничество, послужившее «основой для реального единства действий Франции и ряда черноморских государств»⁶⁷.

Выступив вечером 9 июля, Ж. Поль-Бонкур заявил, что он сейчас целиком на стороне СССР и принятие советской поправки является условием полного присоединения Франции к конвенции о Проливах. Глава французской делегации подчеркнул, что его страна не может допустить сведения на нет заключенных ею договоров о взаимопомощи. Вслед за Ж. Поль-Бонкуром в поддержку советской поправки выступили представители Румынии, Греции и Югославии⁶⁸.

Анализируя создавшееся положение, А. Понсо писал 10 июля в Париж, что английская дипломатия фактически отказывается поддерживать договоры о взаимопомощи, но для Франции это слишком важный вопрос, и она не может здесь не считаться с позицией СССР. Если советская поправка не пройдет, отметил А. Понсо, то Ж. Поль-Бонкур внесет аналогичную по духу поправку в другую статью английского проекта конвенции. А. Понсо обратил внимание И. Дельбоса на то, что на Лондон оказывается давление из Берлина, и посоветовал в случае необходимости оказать соответствующее давление на Форин Офис из Пари-

жа⁶⁹.

Решительные шаги для спасения конференции предприняло Советское правительство. До сведения Форин Оффиса было доведено, что неуступчивость Англии грозит срывом конференции в Монтре, вся ответственность за который ляжет на британскую сторону⁷⁰.

Английская дипломатия оказалась в Монтре в изоляции, что значительно ухудшало международные позиции страны. Дополнительную остроту в ситуацию внесло подписание 11 июля 1936 г. австро-германского соглашения. Тем самым, как отмечал заместитель наркома иностранных дел СССР Н. Н. Крестинский, «Германия получила фактическую возможность произвести постепенно неофициальный аншлюс Австрии» и, «не встречая противодействия Италии, продвигать свое влияние на Балканы»⁷¹. Британская печать с тревогой отмечала, что после этого соглашения Германия может устремиться на юго-восток, угрожая выйти через Балканы на Ближний Восток⁷². В подобном положении срыв конференции в Монтре давал Берлину слишком большие выгоды, прямо побуждая Гитлера двинуться через Вену и Балканы к Проливам.

Все это предопределило отступление Англии. 15 июля Ж- Поль-Бонкур внес новую поправку, разработанную в контакте с представителями СССР, Великобритании, Румынии и Турции, согласно которой режим Проливов связывался с уставом Лиги наций и пактами о взаимопомощи. Все участники конференции приняли эту поправку, что открыло путь к завершению переговоров⁷³. 20 июля делегаты девяти стран – участников конференции: подписали новую конвенцию о режиме Черноморских проливов⁷⁴.

По оценке И. Дельбоса эта конвенция повысила роль Лиги наций и значение договоров о взаимопомощи, укрепила балканские позиции Франции⁷⁵. Сходная оценка была дана М. М. Литвиновым, также подчеркнувшим тесную взаимосвязь между новым режимом Проливов, уставом Лиги наций и договорами о взаимопомощи⁷⁶.

Результаты конференции в Монтре нанесли серьезный удар по агрессивным планам Германии. СССР и страны Малой и Балканской Антанты могут теперь «надеяться через Проливы держать открытыми свои коммуникации с Францией, если они окажутся в состоянии войны с Германией»⁷⁷. В меморандуме германского МИД с тревогой отмечалась возможность применения в Черном и Средиземном морях пактов о взаимопомощи, включая франко-советский договор⁷⁸.

Однако еще больше тревожили Германию потенциальные перспективы успешного исхода конференции в Монтре. В Берлине, сообщал еще 15 июля французский посол А. Франсуа-Понсе, задают себе вопрос, не предвещает ли это образование «блока, соединяющего две западные державы и СССР», а затем и «образование континентальной системы, идущей от Балтики до Адриатики»⁷⁹.

Таким образом, конференция в Монтре убедительно доказала жизнеспособность франко-советского сотрудничества, его способность стать основой для сплочения малых европейских стран на принципах коллективной безопасности, что явилось бы реальной альтернативой курсу на умиротворение агрессоров, господствовавшему в правящих кругах Великобритании.

К сожалению, конференция в Монтре осталась единственным примером успешного франко-советского сотрудничества в период правительства Народного фронта. Начавшаяся вскоре гражданская война в Испании ускорила поворот вправо французской буржуазии, готовой в страхе перед левыми силами вступить в сговор с Германией. Углубление кризиса Народного фронта вновь усилило тенденцию к умиротворению агрессоров во внешней политике Франции. Тем не менее, позиция французской дипломатии в период конференции в Монтре оказала большое влияние на последующую дипломатическую борьбу великих держав на Балканах, заставляя и германских агрессоров, и британских умиротворителей считаться с возможностью возврата Парижа к опоре на франко-советский пакт, к политике коллективной безопасности.

¹ Альтман В. В. Из истории борьбы за мир (конференция в Монтре). – В кн.: Из истории рабочего класса и революционного движения. Памяти академика А. М. Панкратовой. М., 1958, с. 498 – 523; Дранов Б. А. Черноморские проливы. Международно-правовой режим. М., 1948; История внешней политики СССР. М., 1980, т. 1; История дипломатии. М., 1965, т. 3; Миллер А. Ф. Очерки новейшей истории Турции. М. – Л., 1948, т. 373 – 182; Попов В. И.

- Конференция в Монтре 1936 года. – *Вопр. истории*, 1963, № 11, с. 47–61; и др.
- ² Живкова Л. Англо-турецкие отношения 1933–1939 гг. Пер. с болг. М., 1975; Avramovski Z. *Balkanske zemlje i velike sile 1935–1937*. Beograd, 1968; Campus E. *The Little Entente and the Balkan Alliance*. Bucuresti, 1978; Deutsch R. *Conferinta de la Montreux*. Bucuresti, 1975; и др.
- ³ Abrevaya J. *La Conference de Montreux et le regime des Detroits*. P., 1938; Warsamy G. *Le Convention des Detroits*. (Montreux, 1936). P., 1937.
- ⁴ BeloFF M. *The Foreign Policy of Soviet Russia*. Oxford, 1949, v. 1; Graves P. *Briton and Turk*. L., 1941; Kilic A. *Turkey and the World*. Washington, 1960; Morf J. *Die Dardanellenfrage an der Konferenz von Montreaux*, 1936. Bern, 1977; Vere-Hodge E. *Turkish Foreign Policy. 1918–1948*. Geneve, 1950; Weber F. *The Evasive Neutral*. L., 1979.
- ⁵ Adamthwaite A. *France and the Coming of the Second World War. 1936–1939*. L., 1977; Young R. *In Command of France. French Foreign Policy and Military Planning. 1933–1940*. L., 1978.
- ⁶ Борисов Ю. В. Советско-французские отношения (1924–1945 гг.). М., 1964, с. 309–323
- ⁷ ДВП СССР, т. 19; DDF, ser. 2, t. 1–3.
- ⁸ См. напр.: Duroselle J.-B. *La decadence. 1932–1939..* P., 1979.
- ⁹ См.: Постников А. С. Салоникское соглашение 1938 г. и позиция Франции. – В кн.: *Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке*. Свердловск, 1981, вып. 9, с. 59–72.
- ¹⁰ См. подробнее: *История дипломатии*, т. 3.
- ¹¹ *Дипломатический словарь*. М., 1971, т. 2, с. 309–310.
- ¹² Попов В. И. Конференция в Монтре 1936 года, с. 48.
- ¹³ Живкова Л. Англо-турецкие отношения, с. 46–47.
- ¹⁴ *Great Britain and the East*, 1936, 9 Apr., p. 466.
- ¹⁵ Живкова Л. Англо-турецкие отношения, с. 54–57,
- ¹⁶ См. подробнее: Белоусова З. С. Франция и европейская безопасность 1929–1939. М., 1976, с. 233–252
- ¹⁷ ДВП СССР, т. 19, N 81, с. 141.
- ¹⁸ DDF, ser. 2, t I, N 407, p. 525.
- ¹⁹ Ibid., N 83, p. 123.
- ²⁰ DDF, ser. 2, t. I, N 534, p. 713–714.
- ²¹ Ibid., t. 2, N 24, p. 49.
- ²² *Внешняя политика СССР. Сб. документов*. М., 1946, т. 4, с. 130.
- ²³ DDF, ser. 2, t. 2, N 74, p. 124.
- ²⁴ Ibid., N 81, p. 136; N 87, p. 144–145.
- ²⁵ *Great Britain and the East*, 1936, 9 Apr., p. 465.
- ²⁶ Ibid., 1936, 16 Apr., p. 493.
- ²⁷ ДВП СССР, т. 19, N 131, с. 231–232.
- ²⁸ *Известия*, 1936, 21 июля.
- ²⁹ FRUS, 1936, v. 3, p. 507.
- ³⁰ DDF, ser. 2, t. 2, N 107, p. 176.
- ³¹ Попов В. И. Конференция в Монтре 1936 года, с. 51.
- ³² DDF, ser. 2, t. 2, N 202, p. 302.
- ³³ Ibid., p. 302–303.
- ³⁴ ДВП СССР, т. 19, N 198, с. 315.
- ³⁵ DDF, ser. 2, t. 2, N 166, p. 252–253; N 184, p. 282–284; N 192, p. 292.
- ³⁶ *L'Humanite*, 1936, 12 Janv.
- ³⁷ *История Франции*. М., 1973, т. 3, с. 180.
- ³⁸ Манфред А. З. *Традиции дружбы и сотрудничества*. М., 1967, с. 250–251.
- ³⁹ Смирнов В. П. *Новейшая история Франции 1918–1975*. М., 1979, с. 143.
- ⁴⁰ *Внешняя политика Чехословакии. 1918–1939, Сб. статей*. М., 1959, с. 414.
- ⁴¹ DDF, ser. 2, t. 2, N 291, p. 449.
- ⁴² Ibid., N 365, p. 545–551.
- ⁴³ Попов В. И. Конференция в Монтре 1936 года, с. 49.
- ⁴⁴ DDF, ser. 2, t. 2, N 310, p. 469–470; N 314, p. 474–475.
- ⁴⁵ FRUS, 1936, v. 3, p. 522.

- ⁴⁶ DDF, ser. 2, t. 2, N 337, p. 512.
- ⁴⁷ ДВП СССР, т- 19, N 195, с. 311.
- ⁴⁸ DDF, ser. 2, t. 2, N 337, p. 512.
- ⁴⁹ Внешняя политика СССР, т. 4, с. 139 –140.
- ⁵⁰ Там же. С. 142-143; DDf, ser. 2, t. 2, N 348, p. 524-525.
- ⁵¹ DDf, ser. 2, t. 2, N 348, p. 524.
- ⁵² Попов В.И. Дипломатические отношения между СССР и Англией (1929 – 1939). М., 1965, с. 264.
- ⁵³ Внешняя политика СССР, т. ч. и 54 DDF, ser. 2, t. 2, N 348, p. 524-525. t 3, N 14
- ⁵⁴ DDf, ser. 2, t. 2, N 348, p. 524 – 525.
- ⁵⁵ Ibid., t. 3, N 146, p. 217.
- ⁵⁶ Борисов Ю.В. Советско-французские отношения, с.316.
- ⁵⁷ ДВП СССР, т. 19, №151, С. 259.
- ⁵⁸ Там же, примеч. 127, С. 753; примеч. 132, С. 754.
- ⁵⁹ The Economist, 1936, 4 Jul., p. 8.
- ⁶⁰ Deutschland. Auswartiges Amt. Archiv. T-120 1001 N 7268, 390 133.
- ⁶¹ Попов В. И. Конференция в Монтре 1936 года, с. 54.
- ⁶² Там же, с. 52
- ⁶³ Внешняя политика СССР, т. 4, с. 144 –146.
- ⁶⁴ The Economist, 1936, 11 Jul., p. 59.
- ⁶⁵ DDF, ser. 2, t. 3, N 146, p. 217.
- ⁶⁶ Внешняя политика СССР, т. 4, с. 150.
- ⁶⁷ Борисов Ю.Д. Советско-французские отношения, с. 316.
- ⁶⁸ Там же. с. 319-320; DDF, ser. 2, t. 2, N 421, p. 647
- ⁶⁹ DDF, ser. 2, t. 2, N 421, p. 648 –649.
- ⁷⁰ ДВП СССР, т. 19, №151, с. 358-362.
- ⁷¹ Там же, N 223, с. 366 –367.
- ⁷² The Economist, 1936, 18 Jul., p. 104.
- ⁷³ DDF, ser. 2, t. 2, N 456, p. 702 –703.
- ⁷⁴ Текст конвенции см.: Внешняя политика СССР, т. 4, .с.152 –164.
- ⁷⁵ DDF, ser. 2, t. 3, N 146, p. 213 –217.
- ⁷⁶ ДВП СССР, т. 19, N 299, с. 374.
- ⁷⁷ The Economist, 1936, 25 Jul., p. 162.
- ⁷⁸ Deutschland. Auswartiges Amt. Archiv. T-120 1001, N 7268, 390 185.
- ⁷⁹ DDf, ser. 2, t. 2, N 348, p. 524.